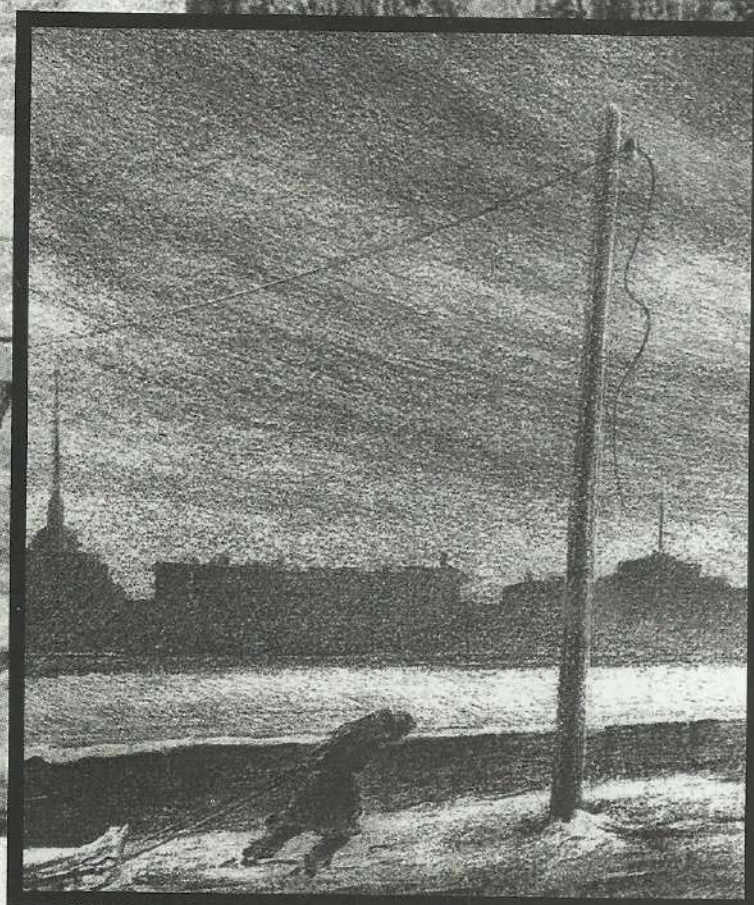

БЛОКАДА

глазами очевидцев

Книга седьмая

В. Замлинский 1944

*Моему отцу
Евгению Иосифовичу Глезеру,
жителю блокадного Ленинграда*

Блокада глазами очевидцев

Дневники и воспоминания

Книга седьмая

ОСТРОВ

Санкт-Петербург
2019

Ирина Юрьевна Неуструева

«Мы сурового времени дети»

Ирина Юрьевна Неуструева родилась 9 октября 1935 года в Ленинграде. Всю войну оставалась с мамой и сестрой в родном городе. В 1958 году окончила геологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности геолог-палеонтолог. Работала в геологических учреждениях Академии наук и во Всесоюзном геологическом институте (ВСЕГЕИ) в Ленинграде. Проводила исследования в Сибири (Кузнецком, Минусинском, Канско-Ачинском угольных бассейнах), Средней Азии и Монголии. С 1972 года — старший научный сотрудник Института озероведения РАН, изучала микрофауну донных отложений современных озер Урала, Крыма, Казахстана и Киргизии. Кандидат геолого-минералогических наук, Почетный член Палеонтологического общества России. С 2006 года на пенсии.

Семья

Известие о начале войны застало нас с мамой и сестрой на даче на берегу Финского залива в местечке Ваммельюки, расположенном в районе городка Териоки (теперь это Зеленогорск), вблизи впадения в Финский залив Черной речки. Мы вернулись в Ленинград на грузовой машине, которая была забита женщинами и детьми. Взрослые стояли, детей кое-как усадили. Когда началась война, мне было пять лет, а моей сестре Эрдени — девять.

К началу войны в Ленинграде из нашей семьи оставались отец, мама, я и сестра, бабушка (мать отца), мамина сестра и дети маминого брата. О том, как сложились их судьбы во время блокады я, как единственный оставшийся в настоящее время свидетель, считаю своим долгом рассказать.

Отец — Юрий Сергеевич Неуструев (1907—1941), учился в Петербурге в гимназии Карла Мая (до 1918 года). Получив среднее образование, поступил в Петроградский Политехнический институт, который окончил в 1930 году по специальности геохимия, работал геологом в Ленинградском

*Неуструев
Юрий
Сергеевич.
Фотографии
конца
1930-х годов*

*Ольга Николаевна
Михайловская. 1940-е годы
На даче в Гатчине. В первом
ряду (слева направо) – Ирина
и Эрдени Неуструевы; во
втором ряду – двоюродные
сестра и брат, Ева и Александр
Михайловские. 1940 год*

Группа

Георгий
Фролов
на Лав
Михаил
русские
около
В.О.Д
чанин
2-й С
Пав
Таври
им. М
НОМ
194
вод
С
нект
це),
Б
Мих
В Пет

Группа бойцов и сестер милосердия 2-го Сибирского отряда Союза Городов. На заднем ряду справа в белой накидке – Ольга Николаевна Михайловская. Тарнополь (ныне Тернополь), 1916 год

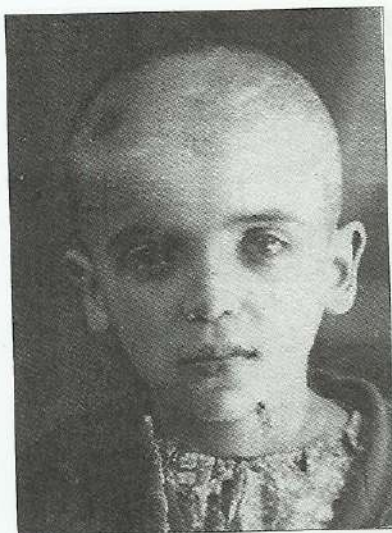
Геологическом управлении. 26 июля 1941 года он ушел добровольцем на фронт, о чем есть запись в его трудовой книжке («Выбыл в РККА»). Он погиб на Ленинградском фронте в районе Невского пяточка 20 декабря 1941 года.

Мама – Ольга Николаевна Михайловская (1896–1980), дочь известного русского писателя и инженера-путейца Н.Г. Гарина-Михайловского. После окончания в Петербурге гимназии Е.И. Песковской (на Среднем проспекте В.О., 28), в 1915 году поступила на курсы сестер милосердия, а после их окончания отправилась на фронт Первой мировой войны. Была зачислена во 2-й Сибирский отряд Союза Городов, который дислоцировался в Галиции.

После окончания Первой мировой войны мама училась и закончила Таврический университет в Крыму и Сельскохозяйственную Академию им. Тимирязева в Москве по специальности почвовед. Работала в Почвенном институте АН СССР. Во время блокады, с октября 1942 по июнь 1944 года, работала сверловщицей на Балтийском судостроительном заводе им. Орджоникидзе.

Сестра – Эрдени Юрьевна Неуструева (1932–2005). Во время блокады некоторое время находилась в детском доме (когда мама была в больнице), училась в средней школе № 3 Василеостровского района.

Бабушка (мать отца) – Мария Васильевна Неуструева (1885–1961), химик по образованию (окончила Высшие женские Бестужевские курсы в Петрограде), до войны работала в Радиевом институте, в Ленинградском

Эрдени Неуструева. 1943 год

Азии (похоронен в Ташкенте) и его жены Рене Рудольфовны Михайловской (урожденной О'Коннель, 1890—1980), художницы по фарфору, репрессированной и высланной из Ленинграда в начале войны: Ева (1920—1941), умершая от голода в Ленинграде в 1941 году и похороненная на Пискаревском кладбище, и Шурик (1926—1942), который был эвакуирован с детским домом в Сибирь и утонул в Иртыше.

Семья маминой сестры Аглаиды Николаевны Михайловской также до войны жила в Ленинграде. Метеоролог по образованию, она работала в Ленинградском университете, но в конце 1936 года ее муж, гидролог Павел Иванович Сырников, был арестован, а в 1937 году была выслана и его жена с двумя сыновьями (Юрием девяти лет, и Павлом, которому еще не исполнилось года).

В годы войны они находились в Вологодской области. В Ленинграде остался отец Павла Ивановича — Иван Гаврилович Сырников. Во время блокады он ходил на дежурства, тушил зажигалки, расчищал завалы. Умер от голода в мае 1942 года. Похоронен на Пискаревском кладбище, о чем есть документальное свидетельство.

1941—1942 [годы]

Когда мы вернулись с дачи в Ленинград, папа уже был на казарменном положении, проходил военную подготовку на улице Чайковского. Мы жили на 20-й линии Васильевского острова в доме № 15 (это второй дом от Большого проспекта к набережной). Тогда Большой проспект назывался Проспектом Пролетарской победы.

Пе
ние
с па
в пи
как
На
указ
Неус
Ма
пер
да,
спе
воз
нов
взя
теп
чит
На
ув
го
рят
гор
Т
тя
ри
зы
—
кв
пос
ли
ст
ли
—
к
во
к
де
ли
пр
ж
пр
—
ст
на
де

Первое время летом ходил городской транспорт, потом регулярное движение прекратилось, и мама ходила пепком на улицу Чайковского повидаться с папой. Один раз, вероятно, последний, он сам пришел в военной форме, в гимнастерке с широким кожаным ремнем. Почему-то осталось в памяти, как он перед зеркалом поправлял ремень. Больше я его никогда не видела...

На открытке, которую мама получила от него в сентябре 1941 года, был указан адрес: Лен. Обл. пос. Невская Дубровка, почт. ящик 20, 4 рота. Неуструеву Ю.С.

Мама осталась с нами одна. Запасов продуктов у нас не было, так как перед началом войны мы были на даче. Помню вечер в конце августа 1941 года, мы стояли на улице в очереди за хлебом в булочную на Большом проспекте в доме № 62, около перекрестка 23-й и Косой линий. Началась воздушная тревога, но очередь не расходилась. Подошла женщина и взволнованно сообщила, что слышала по радио сообщение о том, что немцы взяли город Мга. Все возбужденно обсуждали это событие, понимая, что теперь железнодорожная связь Ленинграда со страной прервана, а значит, выезд из города людей и доставка продуктов будут невозможны.

Несколькими днями позже, опять же стоя в очереди за продуктами, все увидели зарево, которое росло на наших глазах. Это был отблеск огромного пожара на другом конце города, вскоре распространился слух, что это горят Бадаевские склады, где находились запасы продовольствия для всего города. Многие женщины плакали, понимая, что город обречен на голод.

Постепенно становилось все холоднее и темнее. Бабушка приехала в октябре, подарила шерстяные кофточки мне и сестре, и два шерстяных коврика, чтобы мы с сестрой могли в них закутываться и покрываться в морозы... Нам очень помогли эти коврики, когда настали холода.

...Наступила зима. Морозы доходили до 30 градусов. Мы жили в своей квартире на первом этаже трехэтажного дома (наша семья прожила там почти 70 лет). В доме было всего 12 квартир, многие семьи эвакуировались, так что в доме оставалось немного жильцов. Толстые кирпичные стены и сводчатые потолки в коридоре и части нашей квартиры придавали ей надежный вид.

Поскольку подвала в нашем доме не было, жильцы дома спускались к нам, как в бомбоубежище, когда объявляли обстрел или воздушную тревогу. Иногда тревога длилась часами, и некоторые жильцы приносили свои керосинки и ставили их на большой кованный старинный сундук в коридоре, варили какую-то баланду. Один мальчик, Шурик, живший с родителями на третьем этаже, спасся, находясь у нас во время обстрела: снаряд пробил крышу дома и разорвался как раз на его кровати. Наступило самое жуткое время. Стояли трескучие морозы. Электричества не было, водопровод и канализация не работали.

В квартире была тьма кромешная не только ночью, но и днем, так как стекла в окнах были выбиты, а оконные проемы заделаны фанерой и завешаны одеялами или вообще чем попало, чтобы меньше дуло. На 20-й и 21-й линиях находились несколько важных учреждений — Горный институт,

Всесоюзный алюминиево-магниевый институт (ВАМИ), Институт механической обработки материалов (МЕХАНОБР), Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ). И хотя официально они были эвакуированы, в них оставалась часть сотрудников. Поэтому этот район часто подвергался бомбежкам и обстрелам.

В 1941 году бомба упала напротив нашего дома между 20-й и 21-й линиями. Все стекла в нашем доме были разбиты, осколки влетели в нашу квартиру, один из них мы долго хранили, но все-таки со временем он затерялся. Зимой 1941/42 года у нас лопнули водопроводные трубы, вода залила большую часть квартиры — коридор, маленькую комнату, кухню и туалет.

Для жилья осталась одна комната, пол которой был выше, чем в остальной части квартиры. От входной двери в комнату пробирались по доске. Потом вода замерзла и превратилась в лед. В этой темноте и ледяной стуже мы прожили зиму. Свечей не было. Комнату освещали коптилкой: в маленькую баночку наливали немного керосина, опускали тонкий фитилек, продергивали его сквозь асбестовую или металлическую пластинку и зажигали. При таком освещении невозможно было что-либо делать. Да и сил для каких-либо действий не было.

Позже мама описала нашу жизнь этого времени в письме к родственнице — Ольге Эвертовне Кнорринг-Неустроевой,¹¹⁸ которую война застала в ботанической экспедиции в Средней Азии, и она долго не знала о нашей судьбе.

В этом письме мама писала: «Зимой 1941–1942 гг. условия были кошмарные. В ноябре погасло электричество. 1 января в квартире замерз водопровод, прекратилась канализация. Морозы стояли жесточайшие. Водопроводные трубы лопнули, затопило большую часть квартиры (кроме одной комнаты, где пол немного выше). Вода, залившая квартиру, замерзла, и пол был покрыт льдом толщиной около 10 см. В октябре перед нашим домом упала бомба, ни одного стекла в доме с фасада не осталось. Забили окна кое-как фанерой.

Дров не было, жгли мебель. Больше 6–7 градусов комнату натопить не удавалось. В такой температуре жили, и даже мыла детей. Я бегала по очередям и столовкам. Дети лежали в холодной комнате под одеялами <...> Был голод. Время заполняла чтением детям вслух при коптилке от корки до корки Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Почта перестала приходить...

Как мы остались живы? Не знаю. Я и дети — мы друг друга спасли. Я давала больше хлеба тому, кто слабел. Я так изменилась, себя не узнаю. Бездна отделяет меня от прежней жизни. Я потеряла способность смеяться и радоваться».

¹¹⁸ Ее сестра, Надежда Эвертовна Кнорринг, и муж сестры Григорий Назаров умерли от голода в Ленинграде в феврале 1942 года, похоронены в братской могиле на Серафимовском кладбище. Их дочь, Ирина Григорьевна Кнорринг, после смерти родителей была эвакуирована с Институтом им. Покровского на Северный Кавказ в марте 1942 года.

Это письмо я могу дополнить некоторыми сведениями, оставшимися в моей детской памяти. Главное — это леденящий холод в квартире. Сначала у нас не было даже буржуйки. Помню, после того как в результате бомбежки сгорел соседний угловой дом (он был деревянный), мы с мамой и сестрой тащили с этого пепелища (как муравьи) недогоревшие довольно длинные доски. Пилить не было сил. Один конец доски засовывали в печку, а другой конец доходил почти до середины комнаты. И мы постепенно, по мере сгорания доски, проталкивали ее в печку.

Иногда мама замачивала в тазу в керосине обыкновенный кирпич. Он пропитывался керосином, затем его клали в печку и поджигали, и он долго горел слабым огоньком. Наше жилище напоминало темную пещеру, контуры комнаты терялись в темноте, от холода и голода буквально стучали зубы.

Позже мама достала железную буржуйку, и в комнате стало намного теплее и светлее. Мы усаживались у открытой дверцы, в печке потрескивали стулья, обломки мебели, и мама читала нам русских классиков. Особенно мы любили слушать повесть Гоголя «Старосветские помещики»: «А что, Пульхерия Ивановна, может быть пора закусить чего-нибудь?». А дальше у Гоголя шло описание разнообразных закусок, пирожков, коржиков, солений и т.п. И мы с сестрой с наслаждением слушали и представляли все эти лакомства.

Надо отдать должное маме: несмотря на отсутствие дров, у нее не поднялись руки жечь книги. До сих пор у нас сохранились довоенные книги отца по геологии и мамы по ее специальности — почвоведению.

Поскольку водопровод не работал, за водой ходили на Неву к проруби у Горного института с ведром и чайником и везли воду на саночках. Потом прорвало трубу с водой у пожарной части на Большом проспекте между 21-й и 22-й линиями, и мы ходили за водой туда, там было ближе. Иногда, когда совсем не было сил, набирали во дворе снег, растапливали его и пили кипяток.

Несмотря на холод в квартире, мама ежедневно проветривала комнату. Закутывала нас, покрывала одеялами и ковриками, и открывала форточку. Потом спрашивала нас, дошел ли свежий воздух до носа? Если мы отвечали «да», то она закрывала форточку. Почти каждую неделю она мыла нас в комнате в тазу и мылась сама. Помню, как меня поразила ее фигура: на груди и на ягодицах ее кожа была сморщена и висела складочками, на нее было страшно смотреть.

Иногда к нам приходила наша двоюродная сестра Ева. В тот год ей исполнился 21 год. Она жила с братом Шуриком, он был на шесть лет младше ее. Поскольку они жили одни, их опекала мамина старшая сестра Надежда Николаевна Субботина, которая также оставалась в городе и помогала им по мере сил.

Помню, как-то Ева осталась у нас ночевать. Ночью я проснулась, потому что Ева ходила по квартире и что-то искала. Утром оказалось, что у нас пропала крупа, Ева ночью съела ее сухой. Однажды она ушла из своего

дома и не вернулась, умерла от голода на улице. Она похоронена на Пискаревском кладбище, о чем нам выдали документ уже после войны. Шурик, ее брат, был эвакуирован с детским домом в Сибирь, и по дороге утонул в Иртыше...

Приближался новый 1942 год. Мама хотела нас порадовать и устроить праздник. Елки, конечно, не было, и мама решила вместо нее использовать этажерку. Мы достали довоенные елочные игрушки, развесили и расставили их на этажерке, повесили гирлянды флажков разных стран (довоенные), золотой дождь и бусы. В некоторых подсвечниках остались маленькие огарки прошлогодних елочных свечек, и мы зажгли их на короткое время. Получилось красиво, почти празднично.

Мама в то время еще не работала, и мы все получали по 125 грамм хлеба. Обычно мама делила каждый кусок на три части и давала нам по кусочку утром, днем и вечером. Тому, кто в какой-то день был слабее, она давала немного больше хлеба, таким образом поддерживая равновесие.

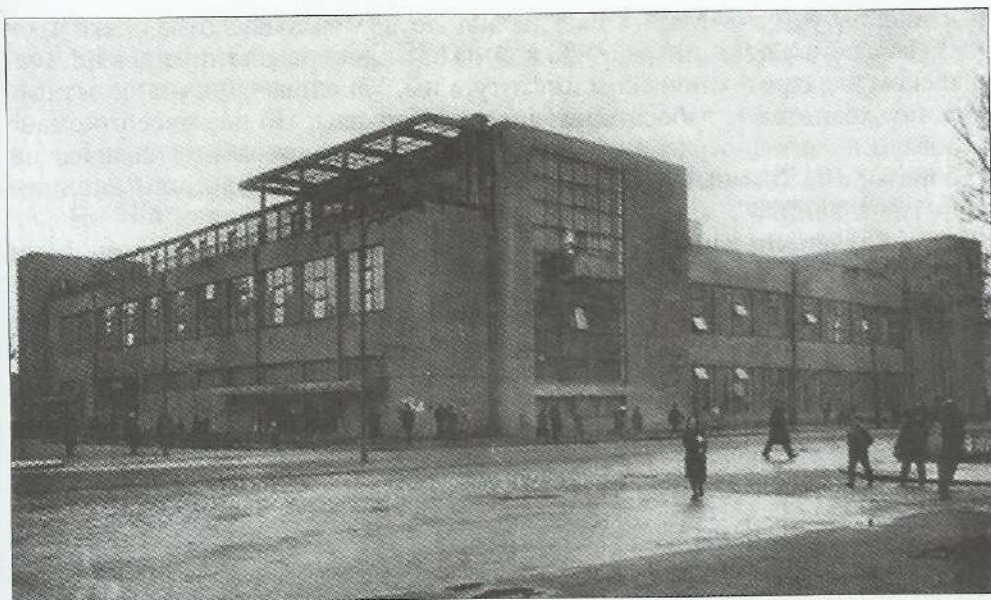
В этот день мы свою дневную порцию оставили на вечер, на встречу Нового года. Я не помню, что еще было у нас на столе. Наверное, мама приготовила еще что-нибудь, но в моей детской памяти осталась нарядная этажерка, сверкавшая шариками, золотым дождем и бусами. Может быть, для детей это было важнее еды. Говорят, что блокадных детей спрашивали, от чего они больше страдают: от голода, холода или темноты? И большинство детей ответили — от темноты.

Кроме этого Нового года, никаких детских радостей у нас не было. Почти целый день мы проводили в постели от слабости, укутанные и покрытые одеялами, ковриками, пальто и т.п. Как говорила мама, если меньше двигаться и не тратить сил, то меньше хотелось есть. Я в своем шестилетнем возрасте все воспринимала как данность, казалось, что другой жизни не было. Другое дело моя сестра Эрдени. Она была старше, ей было девять лет, она помнила довоенную жизнь, ей больше надо было пищи, и она, конечно, страдала больше меня, осознанно относилась к действительности. Мама и Эрдени страдали от дистрофии и выглядели ужасно. Это были скелеты, обтянутые кожей, и только огромные глаза выражали болезненную напряженность.

В течение блокады у Эрдени периодически на почве авитаминоза возникал фурункулез, и она не один раз из-за него попадала в больницу.

На улицу выходили только по необходимости: за водой или чтобы стоять в бесконечно длинных очередях за хлебом, реже за другими продуктами. Часто бывало, что, заняв утром очередь и простояв несколько часов, мы ничего не могли купить, так как продукты заканчивались. Но очередь не расходилась в надежде, что привезут что-нибудь еще.

Иногда ходили в столовую на фабрику-кухню, которая находилась на углу Большого проспекта и Косой линии. Помню, принесли оттуда суп в бидончике, оказалась какая-то бурда без единой жиринки, и в этой жидкости плавала только одна на весь бидон макаронина темно-серого цвета.

Василеостровская фабрика-кухня № 1 на углу Большого проспекта и Косой линии. 1930-е годы

Другое воспоминание связано с походом в столовую ВАМИ, находившегося на 20-й линии, напротив Горного института. Мы пошли туда с мамой вдвоем (Эрдени, вероятно, была в больнице). Тоже помню длинную очередь, растянувшуюся на два этажа. И вдруг раздался страшный грохот, посыпались стекла, штукатурка, посыпались кирпичи. Люди с криками бежали вниз. На какое-то время я потеряла маму и страшно испугалась. Бомба попала в здание. Потом я увидела бегущую ко мне маму. Мы обнялись и побежали домой.

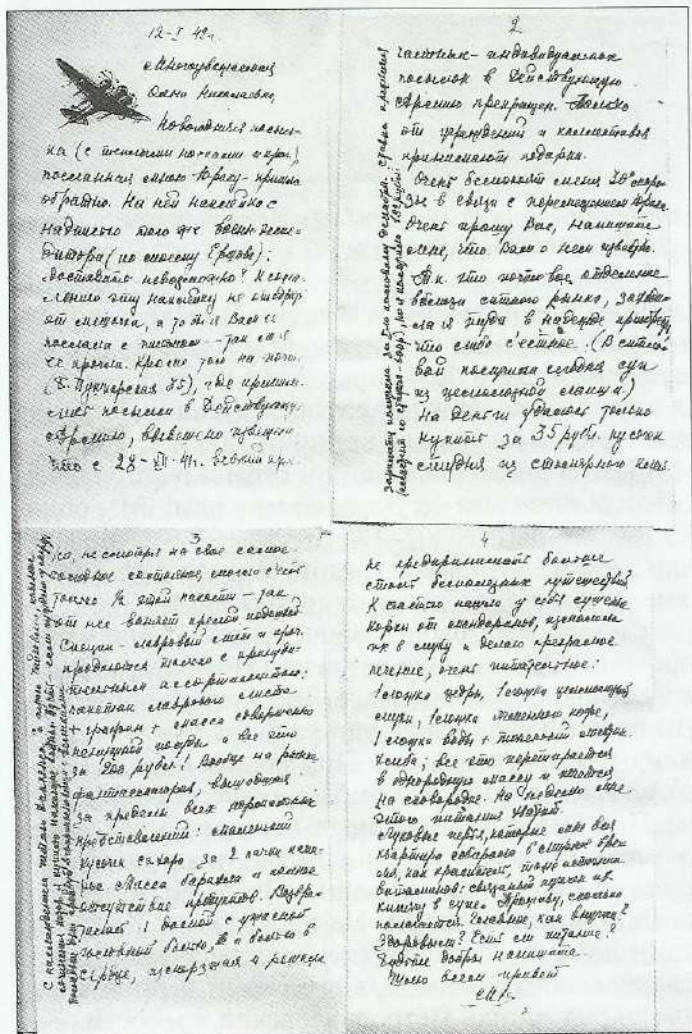
Часто на улице видели людей, которые с трудом тащили санки, а на санках лежали завернутые во что-то умершие от голода люди. Это была обычная картина. Дети, как и взрослые, были озабочены доставанием еды, хождением за водой и дровами. Они выглядели маленькими старичками.

Самые тяжелые месяцы были декабрь и январь. Трескучие морозы (часто ниже 30 градусов), изнурительный голод, удручающая темнота...

Некоторые дома стояли полуразрушенными. Помню дом на углу Большого проспекта и 15-й линии, в него попала бомба, и одна сторона у него была срезана, как ножом. Получился разрез дома от первого до последнего этажа. В некоторых комнатах уцелела мебель, стояло пианино, в другой комнате — кровать, у стены почти висела ванна. После войны на его месте построили красивый дом с колоннами. На набережной Красного флота (теперь Английской) дома были раскрашены камуфляжной краской пятнами. Купол Исаакиевского собора был выкрашен черной краской, черным чехлом был покрыт шпиль Петропавловской крепости.

Наша бабушка — Мария Васильевна Неуструева, мать отца, тоже прожила всю войну в Ленинграде. До войны она преподавала химию в Ленинградском электротехническом институте им. Ульянова (Ленина) и оставалась там хранителем лаборатории в начале блокады. Но позже ее откомандировали на завод «Красногвардеец» для налаживания работы химической лаборатории. Там выполняли военные заказы, производили анализы и другие задания.

О ней и ее сотрудниках в 1943 году была опубликована статья «Люди одной лаборатории» в «Ленинградской правде» (эту газету я передала в музей завода «Красногвардеец» в 1985 году, в канун празднования 40-летия Победы). Бабушка тоже была истощена, работала и не имела сил ходить к нам пешком с Петроградской стороны. Телефонов у нас и у нее не

Письмо
Марии Васильевны
Неуструевой
от 12 января 1942 года

было, и мы поддерживали связь перепиской. Сохранилось ее письмо моей маме, написанное 12 января 1942 года. Оно очень достоверно описывает факты из жизни тех дней.

«Многоуважаемая Ольга Николаевна, новогодняя посылка (с теплыми носками и пр.), посланная мною Юрику (нашему папе) пришла обратно. На ней наклейка с надписью того же военн. экспедитора (по-моему Ершова): "Доставить невозможно". К сожалению, эту наклейку не оторвать от мешочка, а то бы я Вам ее послала с письмом — так ли я ее прочла.

Кроме того, на почте, (Б. Пушкарская, 35), где принимались посылки в Действующую армию, вывешено извещение, что с 28-ХІІ-41 всякий прием частных индивидуальных посылок в действующую армию прекращен. Только от учреждений и коллективов принимают подарки. Очень беспокоят меня 30-градусные морозы в связи с перемещением Юрика. Очень прошу Вас, напишите мне, что Вам о нем известно.

Т.к. это почтовое отделение вблизи Ситного рынка, заходила я туда в надежде приобрести что-либо съестное. (В столовой получила сегодня суп из целлюлозной лапши). На деньги удалось только купить за 35 рублей кусочек студня из столярного клея. Но несмотря на свое самое голодное состояние, могла съесть только $\frac{1}{2}$ этой пакости — так от нее воняет прелой подошвой.

Специи — лавровый лист и проч. продаются только с принудительным ассортиментом: пакетик лаврового листа + графин + масса совершенно ненужной посуды и все это за 200 рублей! Вообще, на рынке фантазмагория, вышедшая за пределы всех нормальных представлений: маленький кусочек сахара за 2 пачки папирос. Масса барахла и полное отсутствие продуктов.

Возвратилась я домой с ужасной головной болью, болью в сердце, измученная, и решила не предпринимать больше столь бесполезных путешествий. К счастью, нашла у себя сушеные корки от мандаринов, измолотила их в муку и делаю прекрасное печенье: 1 ложка цедры, 1 ложка целлюлозной муки, 1 ложка ячменного кофе, 1 ложка воды + тоненький ломтик хлеба; все это перетирается в однородную массу и печётся на сковородке.

На неделю мне этого питания хватит. Луковые перья, которые мне вся квартира собирала в мирное время, как краситель, тоже источник витаминов: связанный пучочек их кипячу в супе. Проживу, сколько полагается. Главное, как внучки? Здоровы ли? Есть ли питание? Будьте добры, напишите. Шлю всем привет».

Приписки на полях этого письма:

«Зарплату получила за 1-ю половину декабря. Ставка прежняя (ассистент со стажем — 600 р.), но я получила 192 рубл.

С наслаждением читаю Диккенса и играю Чайковского, полное сочинение которого купила накануне войны. Пусть, если суждено умереть, последние дни пройдут в соприкосновении с великими...».

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по
гор. ЛЕНИНГРАДУ
Отдел Боевое Потреб., б-на
г. августа 1941 г.
№ 325851
Ленинград, пр. Володарского, 4.
Телеф. коимут. УНКВД
Краткое содержание

Лит. _____
Вх. № _____ На № _____ От _____ 1941 г.
(При ответах ссылаться на наш №, число и Отдел)

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж - под.командир роты 5-го Потребительского батальона НКВД ЛО - Военный инженер 3-го ранга НЕУСТРУЕВ Юрий Сергеевич, 1907г. рожд., урожд. гор. Ленинграда, находился на фронте Отечественной войны, выполнял боевые задания по борьбе с немецко-фашистскими войсками, погиб в боях за Социалистическую Родину 20.12.41 года в районе р. Невы, восточного района г. Ленинграда.

Настоящим извещением сообщается о смерти и возбуждении дела о пенсии.

ВАНЖАТ: ШТАБ 1-го УНКВД
Полномочный _____ (ЭКОНОМ)
Секретарь Штаба НКВД _____ (ОСНОВ)
Техник-интерьянт 2 _____

Извещение о смерти Юрия Неуструева

Это письмо бабушка написала, не зная, что ее сын Юрик (наш папа) погиб 20 декабря 1941 года в районе Невского пяточка. Извещение о его гибели мама обнаружила случайно в домоуправлении (ЖАКТе), зайдя туда по какому-то вопросу. В углу кабинета она увидела почтовый мешок с не разобранными и не доставленными письмами. Может быть, у почтальона не было сил разнести письма, а может быть он умер, не успев доставить письма... Мама стала разбирать письма и обнаружила это страшное извещение («похоронку», как тогда говорили).

Тогда мама нам ничего не сказала. Но она написала в воинскую часть, где воевал наш папа, с просьбой сообщить подробности о его гибели. Ответ пришел весной 1942 года. Я приведу его полностью.

«Ленинград Вас[ильевский] Остров, 20-я линия, д. 15, кв. 2, Михайловской Ольге Никол[аевне].

Ольга Николаевна!

Перебирая документы, случайно нашел Ваше письмо, написанное Вами 4 февраля 1942 года с просьбой сообщить подробнее о смерти Ю.С. Неуструева. Пятого батальона нет больше на фронте, он влился в состав 2[-го] ОСОБ батальона, сменился в командовании, в штабе из истребителей остался один я (фамилия моя Махалов Р.Ф., помощник начальника штаба).

С Юрием Сергеевичем я хорошо знаком по 184[-му] истребительному батальону, когда он стоял на Чайковской, 11. Вместе с ним мы были в 50[-м] ИБ (истребительном батальоне. — *Ред.*), вместе приехали на фронт, и по своей должности я часто встречался с Вашим мужем.

20 декабря 1941 года батальону была поставлена задача перейти в наступление, закрепиться на противоположном берегу реки. Ваш муж был командиром 3-й роты, которая должна была начать наступление.

Рота вышла на исходный рубеж и по сигналу с высокого берега спуститься на лед, на ровное ледяное поле. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь по берегу и по реке. Впереди роты шли командир, политрук, инструктор по пропаганде, старший политрук Богачев и политрук Гончаров. Когда все бойцы вышли на лед, тов. Богачев крикнул: «Вперед, товарищи, за родину, за счастье детей, вперед!». Рота в едином порыве пошла за командирами.

Противник открыл интенсивный пулеметный огонь во фланг роты. Рядом с командиром упал политрук Богачев, Гончаров, бойцы шли вперед не сгибаясь, не оглядываясь к левому берегу, зная, что сзади идет другая рота. Потеряв друзей и командиров, Ваш муж не растерялся, не повернул назад. Рота упрямо шла вперед, не обращая внимания на сумасшедший огонь противника. Уже у левого берега рота ускорила шаги. Противник стал бросать мины под свой берег.

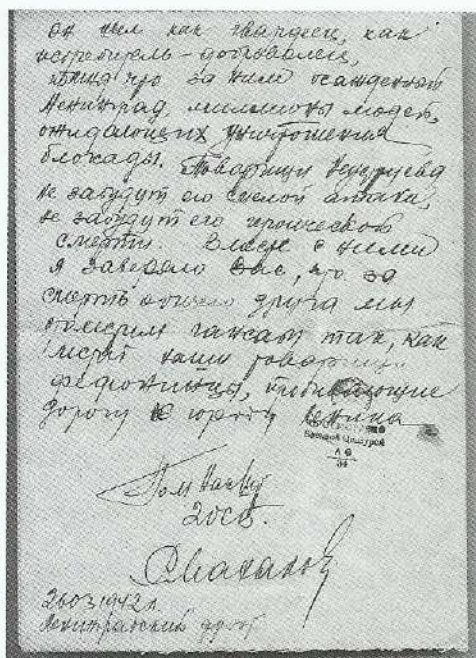
Одна из мин разорвалась под ногами у Неуструева. Вы сами понимаете, похоронить труп было невозможно. Так погиб Ваш муж, до конца жизни

Света Николаевна!

Третья часть 9 декабря 1941
Ваше письмо, полученное в 1941
17.12.41 с пометкой "получено 17.12.41"
с адресом В.С. Неуструев
Благодарю Вас за
полученные фотографии, они высланы в
адрес В.С. Неуструев, в адресе пометка
-Света, в адрес пометка -Света
получены 17.12.41 (фотографии по
адресу В.С. Неуструев, в адресе пометка
-Света) В.С. Неуструев
Ваше письмо от 18.12.41, в адресе пометка
пометка -Света, в адрес пометка -Света
получены 17.12.41 (фотографии по
адресу В.С. Неуструев, в адресе пометка
-Света) В.С. Неуструев
Ваше письмо от 19.12.41, в адресе пометка
пометка -Света, в адрес пометка -Света
получены 17.12.41 (фотографии по
адресу В.С. Неуструев, в адресе пометка
-Света) В.С. Неуструев

не сгибаясь, не оглядываясь, зная, что сзади идет другая рота. Потеряв друзей и командиров, Ваш муж не растерялся, не повернул назад. Рота упрямо шла вперед, не обращая внимания на сумасшедший огонь противника. Уже у левого берега рота ускорила шаги. Противник стал бросать мины под свой берег. Одна из мин разорвалась под ногами у Неуструева. Вы сами понимаете, похоронить труп было невозможно. Так погиб Ваш муж, до конца жизни

Письмо из действующей армии о гибели отца, Юрия Неуструева

Письмо из действующей армии о гибели отца, Юрия Неуструева

твердо выполнив поставленную перед ним задачу. Вы можете гордиться сыном и отцом. Он шел, как гвардеец, истребитель, доброволец, помня, что за ним осажденный Ленинград, миллионы людей, ожидающих уничтожения блокады. Товарищи Неуструева не забудут его смелой атаки, не забудут его героической смерти. Вместе с ними я заверяю Вас, что за смерть общего друга мы отомстим гансам так, как мстят наши товарищи Федюнинцы, пробивающие дорогу к городу Ленинград.

Помощник начальника штаба 2[-го] ОСБ (вероятно, отдельного стрелкового батальона. — *Ред.*) Р. Махалов. 26.03.1942. Ленинградский фронт».

Это письмо мама нам прочла в мае. Мы сидели перед раскрытой дверцей топившейся буржуйки,

слушали и плакали, представляя этот ужасный бой и гибель отца...

В тот год весна была поздняя. Только к концу мая появились первые листочки, стала пробиваться трава. Все — и дети, и взрослые — ели эту первую зелень. Мне особенно казались вкусными начинавшие распускаться почки желтой акации, кустами которой был обсажен, как бордюром, Большой проспект с обеих сторон вдоль проезжей части. Вообще летом этот проспект необыкновенно красив, жаль, что акации вырубали в конце 1960-х годов, они очень его украшали.

Вспоминаю, что, наверное, в июне маме выделили небольшой участок для огорода. К сожалению, не помню, где он находился, возможно, на пустыре в Гавани. Мы ездили туда, сажали кусочки картошки, не знаю, кто их давал. В течение лета мы несколько раз добирались туда, пололи, окучивали. Но когда пришло время «снимать урожай», оказалось, что его уже кто-то выкопал... Так мы остались ни с чем.

С 1 октября 1942 года мама работала на военном судостроительном заводе им. Орджоникидзе (Балтийский завод. — *Ред.*), там она трудилась сверловщицей до 24 июня 1944 года и получала рабочую карточку. Помню, что в праздник 7 ноября 1942 года мама впервые получив по рабочей карточке сливочное масло, намазывала его нам на хлеб. И это казалось чем-то необыкновенно радостным, ведь мы целый год не ели сливочного масла.

Наша мама, Михайловская Ольга Николаевна, была почвоведом по специальности, до войны работала в Почвенном институте АН СССР. Но во время войны все научные учреждения были эвакуированы, оставалось небольшое число сотрудников. Так, в Почвенном музее осталась хранительницей Зинаида Юльевна Шокальская, дочь известного морского гидрографа, президента Географического общества Ю.М. Шокальского. Мама переписывалась с ней во время блокады.

Маме удалось прикрепить меня к детскому саду, который находился на Большом проспекте, во дворе здания, где теперь располагается администрация Василеостровского района. Там мне давали паек, и я носила его домой. Помню такой случай: я получила свой паек — какой-то суп в стеклянной баночке и кусочек хлеба, который я положила наверх на крышку банки. Поставила это в открытую сумку и понесла домой.

На углу Большого проспекта и 16-й линии на меня буквально налетела бритая девушка, лет пятнадцати, моментально, очень ловко схватила хлеб из моей сумки (так птицы выхватывают рыбу из воды в полете) и умчалась. Я, конечно, громко разревелась, глядя ей вслед, догнать ее было невозможно и бесполезно, так как она сразу стала судорожно засовывать в рот этот кусок. Какая-то женщина, утешая меня, проводила до дома.

Во время войны единственным источником информации в Ленинграде было радио, та самая «черная тарелка», которую сейчас можно увидеть в Музее обороны Ленинграда. Из нее мы узнавали, что происходит в городе и стране. Слушали сводки «От Советского Информбюро», которые в особенно важных случаях читал Юрий Левитан своим знаменитым сильным «металлически-бархатным» голосом (именно такой необыкновенный был у него тембр), что придавало особенную торжественность его сообщениям. По радио объявляли воздушную тревогу и обстрел, пронзительно завывала сирена, а потом передачи прекращались, и только стучал метроном, до сигнала «отбой», после чего передачи возобновлялись.

Особенно мы любили слушать литературные передачи. Детские передачи читала артистка ленинградского радио Мария Григорьевна Петрова. У нее был высокий мальчишеский голос. В ее исполнении мы слушали рассказы Короленко — «Дети подземелья», «Слепой музыкант» и другие, Гайдара «Чук и Гек» и многое другое. Читала стихи Ольга Берггольц. Звучали концерты Ефрема Флакса (прекрасный бас-баритон), Зои Рождественской, постановки классических спектаклей, в том числе детских — «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан» и т.п. Мы слушали все спектакли, и радио никогда не выключали, это была единственная нить, связывавшая нас с миром.

В конце 1942 года мама надорвалась на заводе и попала в больницу. Ей нужно было делать операцию. Оперировали маму при свете керосиновых ламп, инструменты стерилизовали на керосинке. Швы долго не заживали, она провела в больнице несколько месяцев. Я осталась в круглосуточном детском саду, там же, где получала паек. Некоторых детей в этот детский сад приводили на день, а вечером за ними приходили, и они ночевали дома. А другие, как и я, оставались ночевать.

Сестру мама на время своего пребывания в больнице устроила в детский дом, потому что Эрдени была уже школьница и не могла быть со мной в детском саду. Для Эрдени это оказалось тяжелой травмой, оставшейся на всю жизнь. Но в то время другого выхода не было, мы впервые остались надолго вне семьи. Нас обрили наголо, чтобы не заводились вши. У Эрдени до войны были длинные густые волосы, поэтому для нее это было тяжелым испытанием. Я в силу своего возраста и отчасти характера перенесла эту перемену легче.

Воспитательницы в детском саду не верили, что мама выживет, и обсуждали возможность моего удочерения. Сейчас я понимаю, какие это были добрые самоотверженные женщины, как чутко они относились к детям, которые были обречены на сиротство. Одна из них, Анастасия Николаевна (к сожалению, не помню ее фамилии), брала меня иногда на воскресенье к себе домой, наверное, таким образом стараясь дать мне привыкнуть к ее дому, если мама не выживет. Нет слов, чтобы выразить ей мою благодарность, только взрослой я осознала всю меру ее самоотверженности в то тяжелейшее время.

Надо сказать, что это не было единичным случаем. В том же детском саду уже в 1943 году появилась девочка, которую звали Лариса Рейснер (тогда я еще не знала о существовании ее знаменитой тезки). Оказалось, что эта девочка осталась круглой сиротой — ее родители и младший братик умерли от голода, и она попала в детский дом. А там ее удочерила Екатерина Андреевна Рейснер, родная тетя (сестра отца) той знаменитой Ларисы Рейснер — комиссара Балтийского флота, поэтессы и общественной деятельницы «серебряного века» и революции. Екатерина Андреевна была зубным врачом, жила на 21-й линии напротив нашего дома.

В детском саду меня сначала посадили за особый столик, за которым сидели особенно истощенные дети, нуждавшиеся в «усиленном питании» (это был официальный термин), а спустя некоторое время перевели на обычное питание. Нам давали завтрак (обычно, какая-то жидкая каша), обед, по-моему, одно блюдо — либо суп, либо второе — каша или тушеные овощи и кусочек хлеба. Вечером — ужин, не помню точно, что именно, во всяком случае — чай. В общем, детские сады снабжались лучше, чем люди, получавшие продукты по карточкам. Дома мы не могли бы так питаться и вряд ли выжили бы.

1943 год

Новый, 1943-й год я встретила в детском саду. Воспитательницы как могли старались устроить для нас настоящий праздник. В зале у нас появилась елка, которую мы украшали все вместе. Я помню, что мы пели и танцевали вальс снежинок в белых юбочках, которые нам сшили из марли работники детсада.

18 января 1943 года была прорвана блокада, и со снабжением стало лучше. Весной маму выписали из больницы, и мы с сестрой вернулись домой.

После возвращения мамы из больницы мы переехали из нашей затопленной и заледенелой квартиры в квартиру № 9 на третьем этаже нашего дома. Жившая в этой квартире Лидия Алексеевна Соколова, старший научный сотрудник Ботанического института, кандидат биологических наук, эвакуированная вместе с Институтом, и ее муж Аркадий Александрович Рождественский, призванный в армию синоптик Гидрометеослужбы, оставили маме ключи от своей квартиры и разрешили нам пожить в ней, пока они в отъезде. Мы прожили в их квартире до 1944 года, когда вернулись ее владельцы. Мы бесконечно благодарны этим благородным людям, которые выручили нас в то трудное время.

Помню праздник 1 мая 1943 года в детском саду. Нас одели в украинские костюмы. У девочек были юбочки, переднички, вышитые белые кофточки, на шее бусы, а на голове — веночки из искусственных цветов с ленточками. А мальчики были в рубашках-вышиванках. Зал был украшен подсолнухами, которые мы сами делали из цветной бумаги. Танцевали польку, краковяк и гопак. Потом был праздничный обед. На сладкое нам впервые дали по кусочку глюкозы. Это были кусочки кремового цвета, которые таяли во рту. У меня сохранились фотографии этого праздничного дня.

1 мая 1943 года в детском саду. За столом сидят (слева направо): Галя Марьишова, мальчик (имя неизвестно), Наташа Бернгардт, воспитательница Тамара Ильинична, Юра Герасимов, Кира Кузьмина, Ира Неуструева (с бритой головой)

*Галя Мартышова
и Ира Неуструева.
1 мая 1943 года
в детском саду*

Летом 1943 года наш детский сад выехал на дачу в Мельничный ручей. Лагерь был огражден забором, за который нас не выпускали, потому что в лесу, за пределами садика было много мин, часто происходили несчастные случаи, взрослые и дети получали ранения и гибли.

Школа

Осенью 1943 года я пошла в 1-й класс, а Эрдени была принята в 4-й класс, пропустив 2-й и 3-й. Наша школа № 3 (женская, тогда обучение было раздельным) находилась на углу Большого проспекта и 21-й линии, рядом с пожарной частью, почти напротив нашего дома, надо было только перейти Большой проспект по диагонали. Ныне это здание занято юридическим факультетом Санкт-Петербургского университета.

В первый раз в школу я пошла одна. Мама снова работала на заводе, уходила из дома рано — в 8 часов утра по гудку она уже начинала работать.

Я, вероятно, опоздала. Когда я пришла в школу, все уже разошлось по классам, а я не знала, где мой класс, и боялась открыть дверь и спросить. Стояла у двери и плакала. На меня обратила внимание учительница, проходившая мимо, расспросила меня, в какой класс я пришла и отвела меня туда. Там, к своей радости, я увидела несколько знакомых девочек, с которыми я была в детском саду, в их числе Галю Мартышову, Ларису Рейснер, Киру Кузьмину. Я сразу успокоилась и почувствовала себя среди своих.

Здесь мне хочется вспомнить наших школьных учителей. В первую очередь — нашу первую учительницу Клавдию Николаевну, которая сохраняла присутствие духа в любой ситуации. Во время воздушной тревоги успокаивала нас и организованно отводила в бомбоубежище.

Однажды во время урока открылась дверь, показалась учительница из другого класса и громко сказала: «Клавдия Николаевна, в столовой дают кефир, идите скорей» (надо понимать, как важно было получить дополнительную еду во время голода). Но Клавдия Николаевна продолжила урок до конца, и только когда зазвенел звонок, вышла из класса.

2-й класс 3-й школы Василеостровского района. В центре — учительница Клавдия Николаевна. В первом ряду в середине — Галя Лебедева, отличница, крайняя справа — Галя Фёдорова; во втором ряду слева от учительницы — Рита Авилова, справа от учительницы Люся Савинова, крайняя справа — Галя Егорова. В третьем ряду — высокие девочки «переростки», значительно старше остальных. В последнем ряду слева направо: Люся Овсянникова, Галя Мартышова, Люся Зайцева, Виноградова, крайняя справа — Люся Башилова, рядом с ней слева, с бантиком — Ира Неуструева.

1944 год

5-й класс 3-й школы Василеостровского района, в котором училась моя сестра. В первом ряду крайняя справа – Ира Сегеркранц (Саверкина), с которой сестра дружила всю жизнь. В центре – учительница французского языка Берта Яковлевна, в этом же ряду вторая справа – Эрдени Неуструева; в последнем ряду самая высокая – Дина Ешугова, рядом с ней справа – Эрна Озолина, подруга Эрдени. 1944 год

Еще я помню, как она пришла в класс и вместо очередного урока стала нам читать, опубликованную (кажется, в газете) поэму казахского акына Джамбула, которая начиналась словами: «Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя...», в которой он восхищался стойкостью и мужеством защитников города. И теперь она вызывает слезы на глазах.

На школьном празднике по случаю Нового 1944 года Клавдия Николаевна посоветовала нам разыграть сценку стихотворения Некрасова «Мужичок с ноготок». Этому мужичка поручили изобразить мне. Я надела шубу своей сестры, которая была мне до пола, подпоясали папиным ремнем, надела большую шапку-ушанку и рукавицы огромного размера.

Еще помню, как мы всем классом собирали посылки на фронт к Новому году. Мы приносили вещи наших отцов, которые погибли на фронте.

Конечно, с благодарностью вспоминаю директора нашей школы – Глафиру Николаевну Корнееву (она же была директором нашего детского сада). В школе она преподавала русский язык и литературу. Она привила нам любовь к русской литературе. Знала и читала нам стихи поэтов серебряного века (в те времена в программу изучения они не входили); на любое правило грамматики она требовала от нас, чтобы мы приводили примеры из произведений наших классиков.

На школьных вечерах всегда звучали стихи русских поэтов. Мне она порекомендовала пойти в кружок художественного слова в дом пионеров, что я с удовольствием и сделала, и благодарна ей за это. Наши школьные конфликты она разрешала всегда справедливо.

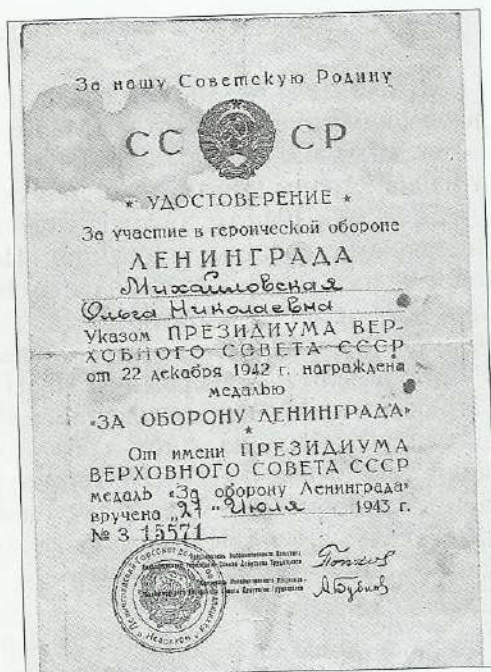
Уже после окончания войны у нас появились мужчины-учителя, демобилизованные из армии. Среди них — учитель географии Семён Григорьевич (к сожалению, не помню его фамилию). Он прошел с боями до Берлина и всегда интересно рассказывал нам о странах, в которых он побывал, об их природе, о нравах и обычаях этих стран. У Петра Андреевича, учителя математики, была ранена рука, и он ходил с повязкой. Иван Александрович — учитель истории. Это были замечательные люди, любившие детей, умевшие заинтересовать нас предметами, которые они преподавали.

Сначала в здании школы классами были заняты только 1-й и 2-й этажи. На 3-м этаже располагался госпиталь. Мы часто поднимались в госпиталь, где выступали с самодеятельными «концертами» — пели, читали стихи, танцевали. Раненые очень тепло относились к нам, понимая, что мы растем без отцов, вспоминали своих детей.

В нашем классе почти у всех девочек отцы были на фронте или погибли на войне, матери работали, так что мы росли, можно сказать беспризорниками, но не в плохом смысле слова. Обязанности, которые мы выполняли дома — ходили за водой, приносили дрова, а потом, став старше — пилили их и кололи, стояли в очередях — приучили нас к самостоятельности, труду, ответственности, чувству долга и справедливости, взаимопомощи, выдержке.

Уроки делали сами, никто из старших не имел возможности заниматься с нами. Но другая сторона нашего детства — недостаток внимания, любви, тепла, матери работали, добывали еду, они не имели возможности проявить свою любовь лаской, баловством и т.п. Мы были предоставлены сами себе. Одним словом — «мы сурового времени дети».¹¹⁹

¹¹⁹ Цитата из песни «Комсомольцы-добровольцы» (слова Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина).

Удостоверение от 27 июля 1943 года
о вручении
Ольге Михайловской медали «За оборону
Ленинграда»

1944 [год]

Новый, 1944 год мы встречали дома, в квартире на третьем этаже. 1 января к нам приехала бабушка Мария Васильевна. Она привезла нам какие-то вкусные маленькие лепешечки. А еще она нам сообщила, что теперь у нашей страны новый гимн, и читала нам его слова.

27 января 1944 года блокада была полностью снята. Этот день запомнился нам всеобщим ликованием. Помню, что на улице незнакомые люди обнимались и плакали от радости. Вечером этого дня впервые гремел салют — 24 залпа из 124 орудий (мне запомнились эти цифры — приказ Верховного главнокомандующего объявлял по радио Юрий Левитан).

Мы пошли на набережную Невы у Горного института смотреть салют. Это было что-то необыкновенное. Люди впервые, не боясь обстрела, буквально высыпали на улицу, любовались светящимися ракетами салюта на фоне черного зимнего неба, громко смеялись и плакали. Моя сестра Эрдени, которой было уже 11 лет, написала стихотворение в тот же вечер, после салюта, которым мы любовались на набережной Лейтенанта Шмидта. Вот оно:

*Гремят орудий залпы
И начался салют.
Волнуясь ленинградцы
Все на Неву идут.*

*И озарился Ленинград
Десятками ракет,
Гроздьями в воздухе висят
И падают на снег.
Теперь блокада снята,
Свободен Ленинград.
Обстрелы прекратились,
От стен отогнан враг.*

*Наполнил радостью сердца
Торжественный салют,
И люди все счастливые
Домой к себе идут.*

*Уже кругом стемнело,
А на душе светло.
Везде сугробы снега
Но кажется тепло.*

27 января 1944 года.
Эрдени Неуструева, 11 лет

*Диплом о присуждении ученой степени Ольге Николаевне Михайловской.
23 июня 1945 года*

На этом можно было бы закончить воспоминания о блокадном детстве. После полного снятия блокады Ленинграда начиналась новая страница жизни. Но я считаю своим долгом кратко рассказать о судьбе тех, кто пережил с нами эти тяжелые годы.

Мама — Михайловская Ольга Николаевна (1896—1980), благодаря стойкости и мужеству которой мы с сестрой остались живы. Через месяц после окончания войны, в июне 1945 года, она защитила диссертацию на ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. С 1946 по 1956 год она работала в Карело-Финском филиале АН СССР в Петрозаводске, составляла почвенную карту Карелии. Выйдя на пенсию, вернулась в Ленинград, продолжала интересоваться наукой,

*Ольга Николаевна Михайловская.
1978 год*

участвовала в заседаниях Географического общества, посещала библиотеку Академии наук. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Скончалась в Ленинграде в 1980 году.

Бабушка Мария Васильевна Неуструева (1885–1961). После войны работала ассистентом на кафедре неорганической химии в 1-м медицинском институте в Ленинграде. Много времени уделяла общественной работе, особенно художественной самодеятельности студентов, обучала их пению, устраивала музыкальные вечера у себя дома. Посещала театры,

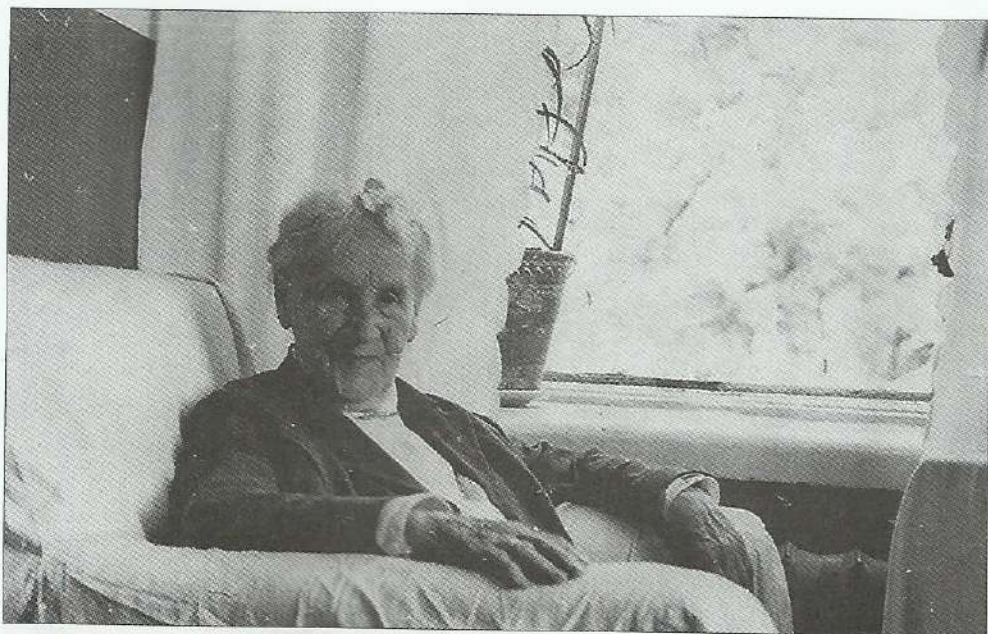
Мария Васильевна Неуструева.
1950-е годы

филармонию, художественные выставки. В 1950-е годы ее избирали депутатом Петроградского районного Совета, причем жила она в той же коммунальной квартире, что и в блокаду. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Тетя, сестра мамы, – Надежда Николаевна Субботина, урожденная Михайловская (1880–1970), вскоре после окончания войны поступила в «Дом престарелых ученых», который сначала располагался на улице Халтурина (теперь Миллионная улица), 27. Позже этот дом переехал в Коломяги. Надежда Николаевна отличалась ясным светлым умом, высокой образованностью, организаторскими способностями, помогала администрации

Удостоверение Марии Васильевны Неуструевой – депутата Петроградского райсовета. 1955 год

Надежда Николаевна Субботина. 1970 год

Ирина Неуструева. 1957 год

Эрдени Неуструева. 1957 год

*Подруги-блокадницы (слева
направо): Людмила Межова
(Новикова),
Эрдени Неуструева,
Лариса Рейснер (Ирвачёва),
Галина Каткевич.
В День 50-летия Победы
в Великой Отечественной
войне, 9 мая 1995 года*

*Ирина Юрьевна Неуструева
возлагает цветы
к памятнику на Невском
пяточке. 2017 год*

дома в проведении культурных мероприятий. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Моя сестра, Неуструева Эрдени Юрьевна (1932–2005), в 1954 году закончила Библиотечный институт (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры), работала сначала в библиотеках, а последние 20 лет до выхода на пенсию в 1987 году, трудилась в издательстве «Аврора», выпускавшем преимущественно книги и альбомы по искусству.

Она продолжала писать стихи, но не публиковала их. Одно из них, «Памяти отца», было напечатано в 1965 году малотиражной газете Балтийского завода. Им я и заканчиваю эти воспоминания.

*Помни о них — они отдали лучшее,
Самое ценное отдали — жизнь.
Помни о них не от случая к случаю,
Памятью светлой всегда дорожи.*

*Помни о них, когда болью измученный,
Долгие ночи проводишь без сна.
Помни погибших у Невской излучины,
Помни короткое слово — ВОЙНА*

На месте кровопролитных боев за Ленинград воздвигнут величественный мемориальный комплекс. А на берегу Ладожского озера, где заканчивалась сухопутная часть Дороги жизни, стоит знаменитый памятник «Разорванное кольцо». Две дуги, взметнувшиеся на фоне неба и воды, ставшие символом стойкости и высоты духа защитников города, производят неизгладимое впечатление.

К сожалению, эта гениальная работа скульптора Константина Симона, выполненная на общественных началах, не принесла автору заслуженных наград при жизни (он скончался 5 сентября 2019 года). Но этот памятник давно стал самым посещаемым, его изображения используются как эмблема города и памятных дат, он будет вечно напоминать о суровых днях блокады, Дороге жизни и битве за Ленинград. В этом, наверное, и состоит высшая награда автору «Разорванного кольца».

Содержание

Вместо предисловия Дефицит правды	3
Сергей Николаевич Рудник Несказанное и недосказанное	9
Лидия Андреевна Данилина «Хочется безумно знать о тебе и дочке»	26
Татьяна Алексеевна Тумарева «Единственное, что меня поддерживает, это вера в свою судьбу»	38
Абрам Абрамович Герман «Полное одичание»	140
Алексей Вальтерович Петерсон «Мы теперь все опасности пережили и остались живы, здоровы и невредимы»	152
Ольга Николаевна Дьяконова Эликсир жизни	167
Людмила Васильевна Обухова Как я читала стихотворение Хармса на новогодней елке	182
Ольга Николаевна (Хайролловна) Литвинова Студентка с Удельной	185
Николай Иванович Любшин Блокадная баллада	228
Валерий Александрович Мирон Трамвай идет на фронт	242
Константин Евгеньевич Фёдоров Когда день года жизни стоит	252
Ирина Юрьевна Неуструева «Мы сурового времени дети»	263
Юрий Михайлович Лебедев Многоликая блокада. Вместо послесловия	290

**Блокада глазами очевидцев
Дневники и воспоминания
Книга седьмая**

Составитель *С.Е. Глезеров*

ООО «Издательский Центр «ОСТРОВ»

Директор — Л.И. Амиханов

zitadel@bk.ru

Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная. Тираж 700 экз. Зак. 714

Первая Академическая типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия ВО, д.12